

**ВЕДДЫ — СИНГАЛЫ: ПРОСТРАНСТВЕННО-
ВРЕМЕННЫЕ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ**

Автохтоны Шри Ланки, современная малая этническая группа веддов, представляют немало научных загадок и в этнографическом, и в лингвистическом отношении. В этнологии общим является суждение, что предки веддов были первоначальниками острова Ланка, а также признаются особенности их расовых признаков, которые послужили основанием для выделения специфического, «веддоидного», подтипа в составе негро-австралоидной большой расы. Эти выводы были сделаны при начальном научном исследовании физического облика и культурных особенностей этого народа, т.е. около ста с лишним лет тому назад, когда еще существовали группы веддов, которые жили в дальних глухих местах и вели образ жизни, близкий к первобытному (все еще оставаясь охотниками и собирателями). В то время их бытовой уклад, материальная культура, поведение заметно отличались своеобразием по сравнению с большими народами, составлявшими основное население острова, прежде всего сингалами и тамилами.

И.П. Минаев (1840–1890), основатель русской индологической школы, посетивший веддов в последней четверти XIX в., писал, что «видеть настоящие образцы этого народа вовсе не так легко <...> В города по своей воле ведды не заходят, они бродят и охотятся в лесной глуши; коренной, первобытный ведда избегает даже соседних ему сингалезских (т.е. сингалских. — *Н.К.*) деревенок» [Минаев 1878: 158]. Перед почетными европейцами представляли тогда в основном, как выразился Минаев, «казовые ведды: угрюмы на вид, косматы, грязны; молча они проделают несколько своих штук пред лицом важной особы <...> постреляют, попляшут и т.д., и затем уйдут к себе, унося Бог знает какие представления о белом человеке» [Там же]. Подлинные же приверженцы древнего образа жизни, как свидетельствует Минаев, в то время еще «скрываются в лесной глуши и избегают людей, им неподобных» [Там же: 159]. И спустя несколько десятилетий «подлинные» ведды

оставались примерно в таком же состоянии, когда уже до их обиталищ добрались европейские этнографы, сумевшие войти в их жизнь и описать ее главные черты и особенности¹.

Роберт Нокс, английский пленник сингалов, проживший 20 лет в их горном Кандийском царстве в середине XVII в., описывал веддов как «диких людей» по явной аналогии с «дикими животными». По его сведениям, ведды жили на деревьях, и их поселения находились в глухих местах. И когда во время побега из плена он продвигался по этим лесам, то весьма опасался встреч с «дикими людьми» и радовался, что попавшиеся ему на пути их жилища на деревьях оказались пусты. В то же время Нокс вполне подробно обрисовал главное занятие веддов — охоту, а также зафиксировал меновую торговлю между веддами и сингалами, описал внешний вид «диких» и одежду [Нокс 2007: 110–113 и др.]. Таковы материалы, которыми мы располагаем по исторической этнографии веддов, из которых выступает их главная характеристика как людей практически первобытных, удаленных от цивилизации, избегающих ее культурных (вплоть до гигиенических) навыков.

Описание веддов присутствует и в мифической истории сингалов, а также в индийской эпической и мифологической традициях. Сингалы своим прародителем считают Виджаяу, царевича северного индийского царства, изгнанного из родных пределов за молодецкие «шалости». После морских скитаний, говорит легенда, Виджая достиг берегов Ланки и вместе со своими спутниками нашел там пристанище (ученые признают эту легенду отражением исторических событий и считают, что факт некой мощной миграции северных предков сингалов произошел примерно в середине I тыс. до н.э.).

Переселенцы нашли остров обитаемым, и первыми, кого они здесь встретили, было племя «демонов». (Не вдаваясь в известные подробности, отметим, что в науке и на этот счет имеется мнение об определенной историчности легенды. Принято считать, что это племя являлось предками веддов.) Хотя пришельцы явно не признают «демонов» ровней себе, Виджая даже женится на одной из

---

¹ Имеем в виду супругов Зелигманов, составивших наиболее полное, можно сказать, «энциклопедическое», описание культуры веддов на основе полевой работы. А также продолжателя их дела Р. Шпиттеля. См. библиографию.

представительниц этого племени и имеет от нее детей (правда, позже он находит более подходящую невесту — царевну с юга Индии, и только его второй брак считается «законным»). Приезжие в целом не испытывают «культурного шока» от образа жизни «демонов» (если не считать, что приписывают им способности волшебства), первая невеста Виджайи выглядит привлекательной особой. В царстве «демонов» имеются два города и большой порт. Царевич с севера и его спутники приспосабливаются к новой жизни в целом в хорошо обжитых местах и в достаточно «цивилизованной» среде. И встречаются предки сингалов и веддов, заметим, на берегу острова, а не в удаленных от берега глухих местах.

Про «царство демонов» на острове Ланка повествуют и древнеиндийские эпические тексты. Так, остров и царство Ланка фигурируют в событиях легендарной истории, запечатленной в древнеиндийской эпической поэме «Рамаяна» (время ее создания относят к IV–III вв. до н.э.). В ней описываются коллизии борьбы эпического царя древней Индии Рамы с жителем Ланки царем демонов Раваной. Это предание тоже воспринимается в науке как одно из свидетельств древнейших связей индоариев северной Индии с неким аборигенным населением Ланки, которое в «Рамаяне» представлено в облике «демонов», подданных Раваны, и составляет население его *сказочно богатого и процветающего государства*. Сам Равана в легендах описывается как правитель просвещенный и многомудрый, хотя коварный и злой. Так что Ланка древности предстает и в «Рамаяне» как страна, вполне освоенная для жизни и с развитой культурой. Заметим, что и в сингальском фольклоре Равана — это могучий, мудрый и даже справедливый правитель и искусный врач (кстати сказать, археологические материалы свидетельствуют о развитой медицине на Ланке с давних времен).

Таким образом, в начале и в конце обозреваемого нами периода наблюдается колоссальный контраст в физическом и культурном положении ланкийских автохтонов, как об этом свидетельствуют представленные источники. Это дает нам возможность предположить, что «цивилизационный путь» предков веддов в этот период мог быть путем деградации. Пока что такая возможность в науке никогда не рассматривалась. Сами же ведды, как оказывается, считают, что «иностранный завоеватель “Царевич Виджая” уни-

чтожал наш народ. И тогда наш пра-пра-праотец Бог Калубандара и с ним другие бежали и спрятались в джунглях» [Dambane Gunavardana² 2005: 13]. Таким образом, мы видим, что в памяти самих веддов далекая встреча их предков с предками сингалов сохранилась отнюдь не как мирная. Оказывается, и у них бережется память о предке-прародителе, аналогично Виджае сингалов, только они называют его не царевичем или как-то в этом роде, а Богом, потому что их вера состоит именно в поклонении предкам.

Так или иначе, очевидно, что взаимоотношения сингалов и веддов продолжались множество столетий. Сами сингальские ученые признают, что в этногенезе их народа ведды сыграли большую роль. Сингалы вообще относятся к веддам с определенным уважением: фактически приравнивают их к представителям высшей сингальской касты «гоигама» (землевладельцев и земледельцев), хотя и с некоторым оттенком брезгливости по поводу их «дикости». Возможно, в этом проявляется историческая память о том, что предки веддов были первыми хозяевами земель на острове. К помощи веддов — опытных стрелков из лука и бесстрашных охотников — прибегали иногда и сингальские правители, укрепляя ими свои войска во время войн.

Уже во второй половине XIX в., во время правления англичан на острове, делаются первые попытки «вывести веддов из дикости», приспособить к земледелию, что удастся с большим трудом. Однако более внимательное научное изучение веддов приводит к тому, что к середине XX в. исследователи выделяют уже три их типа (лесных, деревенских и прибрежных³) и говорят о быстрой ассимиляции двух последних групп с сингалами и тамилами. Основным местом проживания веддов в это время считается район на востоке страны в верховьях рек Гал-Оя и Мадура-Оя, который называется Страной Веддов (Веддаратта). И теперь это место — главная территория обитания веддов, а живущие здесь ведды считаются самыми «настоящими». В частности, потому что здесь еще сохраняется знание языка веддов.

---

² Об авторе будет особо сказано далее.

³ Первые ведут лесной, бродячий образ жизни, вторые занимаются земледелием, а третьи — рыболовством. Вторые тяготеют к сингалам, третьи — к тамилам, те и другие владеют языком соседей.

Именно у этих веддов⁴ автору удалось побывать в сентябре 2013 г. Население живет в трех деревнях и уже в значительной степени переходит к занятию сельским хозяйством. Лес вокруг них стал заповедником, охота здесь запрещена, и занимаются ею, если удастся, только тайно. Выглядят эти люди благообразными, умытыми, одеты в основном как деревенские сингалы, но вполне аккуратно. Те, с кем удалось общаться (главный вождь, его родственники, некоторые случайные встречные) не показались особенно темнокожими, бывают и сингалы гораздо чернее. Но мужчины подчеркнуто сохраняют традиционную прическу — распущенные волосы, а также не стригут бороды и усов. Однако оставлю этнографические описания и размышления Т.А. Зиминой, которая в качестве соискателя МАЭ пишет диссертацию об истории и традициях этого народа и с которой я разделила путешествие к современным веддам. Мне прежде всего была интересна лингвистическая ситуация в обиходе этих людей.

Сингальский язык в этой местности в полном ходу, так как место проживания веддов (прежде всего деревня Дамбана, где находится их главный вождь) сейчас часто посещается различными жителями острова, чаще всего сингалами (а также, заметим, и разнообразными иностранцами). В этой деревне имеется небольшой музей, посвященный истории веддов, лавочка, где продают кое-какие продукты для самих веддов, а также пришельцы могут перекусить и утолить жажду. В нашем общении мы также пользовались сингальским языком. В этих контактах нам помогал коллега-сингал, историк по образованию и переводчик русской литературы. Беседы были достаточно долгими, в соответствии с пространными, заранее заготовленными этнографическими опросниками. Собеседники хорошо нас понимали и совершенно свободно выражали свои мысли на сингальском языке⁵.

---

⁴ Хотя К. Дхармадаса отмечает, что первые исследователи веддов Зелигманы не относили жителей этого района к «исконным» веддам [Dharmadasa 199: 85]. Возможно, к нашему времени картину изменили самые поздние миграции веддов, принужденных к этому общим хозяйственным наступлением на джунгли.

⁵ Долготерпение их объяснялось только приветливостью и расположением (ни о какой оплате речь не шла, хотя как гости мы, конечно, пришли с небольшими подарками), а также тем, что за нас замолвили словечко местные ученые, которые занимаются культурой веддов.

В деревне Дамбана мы познакомились и с первым ученым из среды веддов. Имя его Дамбане Гунавардана (первое слово можно рассматривать как фамилию — Дамбанский / из деревни Дамбана, второе — как имя собственное). Вообще же ведды пока фамилиями не обладают. Дамбане Г. изучает язык веддов и уже выпустил (впервые в 2003 г.) первую книжку, содержащую описание фонетики, небольшой словарь и некоторые фразы на этом языке. Мы получили от него в подарок второе, переработанное издание этой книги [Dambane Gunawardana 2005].

Примечательно, что к кругу читателей, которым он предлагает свою работу, он причисляет и самих веддов, особенно молодое поколение. Другие авторы (например, К. Дхармадаса) ранее сообщали, что подлинный язык веддов известен в основном старшему поколению. Упомянутые работы К. Дхармадасы и Г. Дамбане дополняют друг друга и дают возможность сделать новые наблюдения.

С очевидностью убеждаемся, что современный язык веддов можно считать диалектом сингальского языка, при этом добавим — именно разговорного. Напомним, разговорная и литературная формы сингальского заметно различаются, более всего на уровне лексики, но также отчасти фонетически и грамматически. Но даже по сравнению с разговорным сингальским веддский/веддийский язык заметно упрощен: в нем меньше употребительных грамматических форм, отсутствуют особые средства для выражения модальных значений. Здесь иначе, чем в сингальском, используются падежные формы, имеются особенности словоупотребления, фразеологии. В языке веддов, как и в собственно сингальских словах (в отличие от санскритских заимствований), нет придыхательных звуков, церебральные «н» и «л» реализуются как апикальные. Примечательна в этом отношении запись латинскими буквами имени упомянутого нами ученого из веддов (Gunawardana): поскольку составные части этого имени имеют санскритское происхождение, то первое «н» должно было быть прописанным как церебральное, а «д» — с придыханием. Что мы и имеем в написании сингальским шрифтом.

В списках Г. Дамбане обнаруживается больше веддских слов и выражений, отличных от сингальских, и это расширяет возможно-

сти исследователя. Здесь появляются новые названия животных, предметов, субстанций, явлений природы и т.д. Но далеко не всегда это своеобразные слова веддского языка, нередко — своеобразные сочетания сингальских слов.

Большинство исследователей сингальского языка постулируют наличие веддийского субстрата в сингальском языке, и чрезвычайно увлекательной, хотя и наиболее сложной, задачей является обнаружение проявлений этого субстрата. Языки сингалов и веддов существовали параллельно и в определенном взаимодействии на протяжении многих и многих столетий, в течение которых они имели и свои пути развития. Так, в истории сингальского языка обычно выделяют четыре периода: сингальский праkrit (III в. до н.э. — IV–V вв. н.э.), старосингальский (V–VIII вв.), средневековый (VIII–XIII вв.) и современный сингальский. Характерные особенности сингальского складываются в старосингальский период и наиболее ярко проявляют себя в средневековом языке.

К сожалению, история языка веддов вряд ли может быть восстановлена, так как язык этот бесписьменный и во многом утраченный. По-видимому, наиболее продуктивно его сопоставление с разговорным сингальским, а в словаре — с так называемым «элу», т.е. собственно сингальскими словами. Но еще слишком ограничена исследовательская база (со стороны языка веддов). Работы К. Дхармадасы и Г. Дамбане, ценные как новый шаг в изучении вопроса, все-таки дают ограниченный материал, прежде всего потому, что приводят лишь отрывочную информацию, не стремясь к системному подходу.

Библиография

Зими́на Т.А., Краснодембская Н.Г. Ведды (судьба автохтонного населения Шри Ланки к началу XXI века) // Малые этнические и этнографические группы / Под ред. В.А. Козьмина. СПб., 2008. С. 138–145.

Кочнев В.И. Ведды // Малые народы Южной Азии / Отв. ред. М.К. Кудрявцев. М., 1978. С. 186–219.

Кочнев В.И. Население Цейлона. М., 1965.

Краснодембская Н.Г. Будда, боги, люди и демоны. СПб., 2003.

Краснодембская Н.Г. Сингальский язык // Языки мира: новые индоарийские языки / Ред. колл.: Т.И. Оранская, Ю.В. Мазурова, А.А. Кибрик, Л.И. Куликов, А.Ю. Русаков. М., 2011. С. 638–662.

Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. СПб., 1878. Ч. 1.

Нокс Р. Историческая повесть о Цейлоне. XVII век / Пер. и предисл. Н.Г. Краснодембской. СПб., 2007.

Dambane Gunawardana. Veddas. The Indigenous People of Sri Lanka — 1. A Guide to the Study of Veddas' Language and Culture. New Revised Edition. Mahanuvara, 2005.

Dharmadasa K.N.O. The Vedda Language // The Vanishing Aborigines. Sri Lankan Veddas in Transition / Ed. by K.N.O. Dharmadasa and S.W.R. de A. Samarasinghe. Delhi, 1990.

Geiger W. A grammar of the Synhalese Language. Colombo, 1938.

Seligmann C.G. and B.Z. The Veddas. Cambridge, 1911.

Spittel R.L. Wild Ceylon. Describing in particular the Lives of the Present Day Veddas. Colombo, 1927.

О. Н. Меренкова

БАНГЛАДЕШЦЫ В БРИТАНСКОЙ ШКОЛЕ: КАК ВПИСАТЬСЯ В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Огромное значение для понимания процесса интеграции и адаптации британских бангладешцев имеет рассмотрение проблемы школьного образования. В отношениях с мусульманскими общинами власти Великобритании придерживаются политики мультикультурализма, предоставляя различным этническим и религиозным группам равные права и возможности для участия в жизни государства. Однако, требуя и нередко получая все новые права и уступки, выходцы из мусульманских стран и их потомки вовсе не спешат интегрироваться в социальную структуру государства [Плещунов 2008: 74].

Законы, принятые правительством Великобритании в 1965–1968 гг., запретили расовую дискриминацию в общественных местах, а также в области занятости и предоставления услуг [Козлов 1991: 164]. Эти законы послужили одной из причин, способство-